

Са смерцю завяршылася фізічнае жыццё дзеда Уладзіміра як чалавека, але жыццё дзеда Уладзіміра як асобы, якая аказала вялікі ўплыў на юнака, паспрыяла яго самаідэнтыфікацыі, фарміраванню маральна-этычных каштоўнасцей, працягваецца ў памяці Уладзіміра Сцяпана і ў гэтай аповесці. Асоба гэта ажывае кожны раз, як узгадвае ўнук дзедаву навуку, якая адаслала яго ў вялікае жыццё.

ЛІТАРАТУРА

1. Большой психологический словарь // сост. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – Олма-пресс, 2004. – 639 с.
2. Вильданов, Х. С. Национальные ценности в структуре этнокультурной и национальной самоидентификации индивида / Х. С. Вильданов // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 9. – С. 214–218.
3. Щербаков, М. А. 7 путешествий в структуру сознания (теория и практика развития личности) // М. А. Щербаков. – М.: Ин-т развития личности, 1998. – 304 с.
4. Сцяпан, У. А. Адна капейка : кніга прозы // У. А. Сцяпан. – Мінск : Літатура і мастацтва, 2012. – 224 с.

Л. В. Первушина (Минск)

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ЭМИГРАНТСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Н. АРСЕНЬЕВОЙ АМЕРИКАНСКОГО ПЕРИОДА

В быстро меняющемся глобализованном сверхиндустриальном мире, в условиях неуклонно интенсифицирующихся миграционных/эмиграционных/иммиграционных потоков большое значение приобретает процесс осмысления каждым человеком своей расовой, национальной и этнической принадлежности. С одной стороны, современные тенденции к взаимопересечению и взаимопроникновению различных культур способствуют гибридации, креолизации и возникновению новых национально-этнических образований. С другой же, особую важность приобретает сохранение отдельных культур, их этно-культурного колорита и национального самосознания. Отождествление «себя» с определенной этнокультурной или национальной группой является важным фактором становления личности, поэтому вопросы национальной самоидентификации занимают значимое место в философии, культурологии, психологии и литературе последних десятилетий XX – начале XXI века. Одним из принципов постижения мира и «одним из наиболее значимых гносеологических инструментов, определяющих специфику межкультурного взаимодействия», являются философские категории «свой» – «чужой» [1, с. 117]. На этой основе формируется концепт культуры

всеобъемлющего, универсального характера: «противопоставление “свой” – “чужие” в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [2, с. 165].

Особенно отчетливо бинарная оппозиция «свой» – «чужой» представлена в литературе эмиграции. Сопоставление «своего» (т.е. изначально данной человеку культуры) и «чужого» (т.е. особенностей культуры новой страны проживания) позволяет более глубоко раскрыть особое историко-культурное, социальное и психо-эмоциональное наполнение произведений, созданных в противоречивой по своему содержанию среде нового общества, где трансформации подвергаются все пласты когнитивной сферы, а также сознательных и бессознательных процессов внутреннего мира личности. Известно, что философско-мировоззренческой основой творчества писателей в изгнании неизбежно становится экзистенциальный вопрос бытия, включающий два аспекта: осмысление своего отношения к родине (степень сохранения аутентичной культуры и своей национальной идентичности) и установление связей с культурой принимающей страны (степень адаптивности, преодоление межэтнических барьеров, глубина проникновения в мышление других этносов и способность формирования гибридной идентичности).

Большой интерес представляет репрезентация национальной идентичности в эмигрантской поэзии белорусской писательницы Натальи Арсеньевой (1903–1997). В данной статье рассматривается американский период ее литературной деятельности (1950–1997-х гг.) и выявляется глубоко индивидуальное восприятие автором родины и чужбины, пространства и времени, воссоздания прошлого в актуальном настоящем и устремленности в будущее. Весь творческий путь писательницы воспроизводит ее жизнь как непрерывную цепь этапов вынужденной эмиграции в разных странах в различные периоды времени. Начиная с 1980-х гг. в литературно-художественных поисках Н. Арсеньевой не наблюдается интенсивности. В то же время очевидно углубление философского и психологического содержания ее поэзии. Высокохудожественные, интеллектуально насыщенные поэтические произведения американского периода представляют серьезную аксиологическую значимость. В них раскрываются особенности процессов самоопределения культурной и национальной идентичности автора, выявляется место художественного наследия писательницы в мультикультурном и полиязычном литературном мире Америки на пересечении сложной системы культурных координат.

Художественное наследие Н. Арсеньевой отличается белорусоцентричностью, в нем очевидно сопротивление процессам ассимиляции, культурной адаптации и поглощению личности транснациональным, американским «плавильным котлом». Моделирование действительности и раскрытие внутреннего мира человека в поэзии данного периода осуществляется ею на основе четко выраженных бинарных оппозиций «свой» – «чужой», «Родина» – «чужбина», «дом» – «изгнание», которые

выявляют «территориальную, индивидуальную, историческую особенности личности» [3, с. 163], подчеркивают принадлежность к определенной культурной группе и свидетельствует о национальном своеобразии. В творчестве Н. Арсеньевой отмечается тенденция к сохранению своей этнической самоидентификации и использованию монолингвизма. Отсутствие духовной потребности стать автором-билингвом и выразить себя на языке принявшей ее страны объясняется авторской установкой писать о своей стране для своих соотечественников, для белорусов диаспоры: «А ў мяне не было чужога асяроддзя. Я жыла сярод беларусаў. Беларускае асяроддзе заўсёды было ў нашай сям’і» [4, с. 266]. Русская по национальности, «из рода тех Арсеньевых, который дал поэта Михаила Лермонтова, она всю себя отдает служению белорусского слова, народа» [5, с. 458]. Поэзия Н. Арсеньевой демонстрирует интенсивное присутствие родной культуры в реалиях принимающей страны, сохранение белорусского языка как элемента национальной идентичности, репрезентацию национального и духовного наследия белорусского народа.

Выявляя особенности своего мировосприятия и идентифицируя себя с белорусской культурой, Н. Арсеньева осознанно выбирает наиболее приемлемую для себя «аккультурационную стратегию этнической идентификации» [3, с. 160], осуществляет четкую демаркацию культур и «проводит границы своего этнокультурного пространства» [Там же, с. 164]. Писательница конструирует определенную концептуально, содержательно и художественно наполненную эстетическую территорию, которая включает в себя мощный образ-архетип ее родного «Дома», культурно-историческую память и особую духовную атмосферу той этнокультурной среды, где она воспитывалась, получала образование и выросла. Национальная самоидентификация писательницы становится феноменом сознания, посредством которого происходит в ее творчестве автобиографическая реконструкция памяти и интенциональное восстановление эпизодов жизни, а «социальная практика переводится в плоскость ментальных образов, выражаемых в языке» [6, с. 7], что дает возможность в интеллектуальном творчестве Н. Арсеньевой восстанавливать обычаи, традиции и духовные ценности белорусского народа.

Категория *свое* в американский период ее творчества (впрочем, как и до него) представлена образами родной страны, близкой ей культуры. А категория *чужое* определяется теми негативными тенденциями, которые отчуждают от родины, трансформируют сознание и ломают жизнь человека, обрекая на вынужденное изгнание и жизнь в эмиграции. В центре философско-художественной картины мира автора – образ Родины во всей его семантической, образной и идейной наполненности. Он становится доминантной составляющей, которая объединяет все остальные образы, цементирует все творчество Н. Арсеньевой и выявляет, по словам А. Макмиллина, «вселенскую ностальгию по Беларуси» [7, р. 259]. Тема родины лейтмотивом проходит через все произведения Н. Арсеньевой, а мысли о ее трудной судьбе определяют духовные искания писательницы.

Следовательно, сопрягая «две культурные системы, культуру настоящего и будущего, т.е. культуру новой страны и культуру памяти в одну цельную модель» [8, р. 144], осмысливая «свое» на фоне «чужого», автор наполняет творчество реалиями своей страны и образами родной природы. Таким образом восстанавливается, возрождается желаемый образ дорогой ее сердцу родины. Он воспроизводится на уровне мышления, идей, проблемно-тематического комплекса и образной системы.

Необходимость покинуть Германию и искать прибежища в США, невозможность вернуться на европейский континент, напротив, еще больше отдалиться от своей земли, отражены в «трагическом настроении» [7, с. 99] и внутреннем волнении души лирической героини пейзажной лирики – маринистских стихов *На моры, Развітанне, Каб сэрца Вікінгаў мы мелі, Тут гэтага няма, Знаю* (1950–1952 гг.) и др. Мотив расставания приобретает интенсивную эмоциональную окраску, воспроизводит боль утраты и придает зримую и осязаемую определенность образам. Неизбежное определение своего «я» в новой реальности нашло свое отражение в психологически насыщенных, повторяющихся образах, основанных на столкновении и противопоставлении внутри бинарной оппозиции «свой» – «чужой». Так, безвозвратно удаляющаяся во времени и в пространстве родина представлена как «своя», родная, горячо любимая земля: *І ўсё далей сплывае ў шэрасць, у змрок той Край, дзе любя ўсё. О, Беларусь, хай так мы з верай Цябе ўдалеч панясём!* [9, с. 232]. *А Бог судзіў нам несці сны аб родным краі аж за моры!* [Там же, с. 231].

Америка же, новая земля будущего приюта, представляется страной изгнания, является «чужой», неизвестной и непознанной территорией. Она вызывает чувство недоверия, неприятия, настороженности: *О, Новы Край, будзь нам прытулкам цёплым і ўтульным, але ня Бацькаўшчынай, не!* [Там же, с. 236]. Многократно возникает экзистенциальный, философский вопрос преодоления боли разлуки и поиска смысла жизни в чужих условиях: *Як параіць сабе, Каб яшчэ раз паверыць чужыне і жыць?* [Там же, с. 237]. Ностальгические мотивы очевидны в произведениях *Куды тугу мы дзенем?, Хоць мы лісты, Вера, Месяц, Зарана* и др: *Парваліся із роднай зямлёю гужы, ды сумую па ёй я ня мени, не слабей, хоць бяжыць без сцяжын да другой карабель* [Там же, с. 237]. Со всей силой любящей души выявляется экспрессия авторского сознания в стихотворении *О, шытшына мая, Беларусь! А удару па цягліцах струн із тугою, і зь сілай нячутай: О, шытшына мая, Беларусь, маё шчасце й пакута!* [Там же, с. 232].

В эмиграции преодолевается время и расстояние, оживает в сознании образ далекой родины, становящийся ближе и принимающий яркие, зримые очертания. Родная сторона – духовная опора, источник вдохновения и силы изгнанника на чужбине: *Мы дапаляліся і гаслі, мы зноў шугалі ў гару, зьмянялі выганы і яслі ў адным імкненні: «Беларусь!»* [9, с. 232]; *О, Беларусь, о Беларусь мая! Праз боль някучы граць Цябе Табе, Табою!* [Там же, с. 286]. Мысли о возвращении на родину не оставляют сознание автора/лирической

героини, они прямо или опосредованно выражены в ткани поэтических произведений *Верце, Развітанне: З адною думкай: Зноў пабачыць, З ліпнёвай радасцяй Гарачай Прыльгнуць да роднае мяжы...* [10, с. 232]. В стихотворении *Маіму жыццю* ностальгические переживания имеют побуждающую силу и обостряют чувства, становятся отчетливой жизненной потребностью: *Жыццё, ня шмат ужо дарогі, штораз пусцей, цямней наўкола. Дык дай мне роднага парогу даткнуць, пакуль замкнецца кола!* [9, с. 217]

Как известно, в этнических литературах «наследие и культура определенного народа представлены через этнически разделенное прошлое, мифы, фольклор, сказки или легенды и через передачу личного, семейного опыта и культурных ценностей, а не через образы мультикультурного общества и адаптацию идентичности в культуру мейнстрима» [11, р. 1046]. Национальная самоидентификация писательницы проявляется себя через воссоздание картин природы родного края (произведения *У гушчарах, Калоссе, Самотныя*, цикл *Прывіды*, цикл *Вясна, Лета, Восень, Зіма* и др.), через субъективную реконструкцию памятных событий (*Лістапад, Усіх памятаем мы, Малачай, Ліст, На сцежцы* и др.), через сны и мечты о родном крае (*Замала, Сон, І мне сніцца* и др.). Возникают в памяти дорогие места (Минск, Вильно, Нарочь, Случчина), воссоздаются очертания знакомых мест (произведения *Вежа, Завулак, Дамок, Сад, Увесну*). Интертекстуальные и интермедиальные ссылки на белорусские песни (*Туман, туман па даліне, Вараты скрыпяць, маразы чуваць* и др.) и национальные танцы позволяют более полно отразить картины жизни народа.

Америка – новая окружающая среда – определяется в поэзии Н. Арсеньевой 1950–1970-х гг. как «чужое», другое, далекое. В новом крае все реалии жизни имеют особую окраску и воспринимаются сознанием иначе: *Дзе ўздыхае адно бясплодны сухавей, дзе цішыня і то, здаецца, не такая... і чужога месца снадзь* [10, с. 146]; *Тут гэткае завуць – зіма! У нас такой зіме й назву не прыдумаць...* [10, с. 238]. Чужой берег показан как перенаселенный, душный и шумный мегаполис: *Й тут бярэ ў палон Вясна муры й сівы бетон скуголяць тармазы задыханых машын, нязграбна слізгаючыся на навароце...* [Там же, с. 238]. В новом крае душа автора/лирической героини не может испытать подлинной полноты бытия, не в состоянии открыть себя этому миру: *Яна тут, як і мы, вандроўніца і госця* [Там же, с. 239]. А, следовательно, нет легкого, радостного и безмятежного постижения действительности: *Мне лёгка, хай ад працы Шчымяць і ньюць пальцы Доля ўжо такая Ды радасці маёй няма дзе разгуляцца, муры, муры, муры зусюль яе сціскаюць... адно каменне звоніць* [Там же, с. 239].

Опосредованный образ новой страны появляется лишь в некоторых произведениях (*Ільвы, Восені, Жаўцее ліст* и др.). И это лишь подтверждает, что «в центре собственной этнокультурной среды образ “чужого” менее эмоционален и более взвешен... Эта субъективная осознанность представляет собой континуум, на одном полюсе которого находится определенность этнической идентичности, на другом – неопределенность» [12, с. 163].

Благодарность стране, принявшей писательницу, нашла отражение только в декларативном стихотворении *Жыві! (У 200-я ўгодкі Злучаных Штатаў Амерыкі, 1976): Няхай жа моц твая не гасне, а чорны дым вайны не засціць ані Твой шлях, ні зорны сцяг!* [10, с. 318].

Автор затрагивает важную проблему духовного опустошения современного высокотехнологического общества. Коммерциализация, рационализация, прагматично организованная жизнь меняют смысложизненные ценности и идеалы, а развитие новых технологий «делает людей слепыми ко всем подлинным ценностям, не оставляет времени для подлинно человеческой деятельности – мышления» [13, с. 51]. Н. Арсеньева воссоздает все ускоряющийся ритм жизни, выявляет отчуждение человека от многокрасочной действительности и его роботизацию: *Ніхто не пляскае, Бо й хто тут мае час зірнуць на Божы свет адкрытымі вачыма? Імкне натоўп. І енчаць, і вішчаць Машыны ў гоне, Міма, міма, міма...* [10, с. 239].

Иногда описание чужбины наполняется белорусскими реалиями, что ведет к определенной гибридизации, т.е. содержит *транскультурный (hybrid)* образ, сформировавшейся между двумя культурами Старого и Нового Света и наделяющийся их качествами. Так, чужой берег воспринимается как Нарочь: *Мне ж здаецца... гэта-ж Нарач, Нарач!* [9, с. 260]. Река времени, впадающая в Гудзон, напоминает реку на родине: *Імкліваю Вяльлэй няе сівы Гудзон Мурамі Вільні таюць небасягі* [Там же, с. 287], а ветер приносит дыхание родины: *бо вецер з Гудзону сяньня нейкі зусім беларускі* [Там же, с. 270].

К категории «своего», принадлежит и такое важное качество личности, как духовность, внутренняя связь души с Божественной силой, выход за пределы своих чисто утилитарных потребностей и прикосновение к Высшему, Божественному. Духовность формирует индивидуальное сознание личности, дает силу достойно нести свой жизненный крест и заставляет признать ответственность перед судьбой. В глубоко откровенном и интенсивно личном произведении *Мой скарб* с большой силой исповедальности осмысливается опыт жизни лирической героини, который имеет значение для прошлого, настоящего и будущего. Проговариваются, артикулируются важные мысли: *Мне лёс даў, можа, болей, як каму. Жыццё мне дорыць сны блізу на кожным кроку. Што для адных нуда і каламуць – мяне пранізвае балюча і глыбока* [10, с. 247].

«Чужое» в человеке – отсутствие этой духовной связи с Божественным: *Без веры, без імкненняў сэрца – пусціня, Адцілая, зрудзелая, сухая...* [Там же, с. 245–246].

В произведениях высокой духовной поэзии (*Радасць, І была там вясна, Каласы, Крыж* и др.) Н. Арсеньева раскрывает свое понимание духовного смысла человеческого существования, расширяет границы сознания и укрепляет основы своей веры. На высоком уровне философского обобщения она говорит о тех чистых Православных истоках, которые рассеивают тьму невежества и неверия, с которых начинается духовная

жизнь человека: *Каб у кожнай дарозе Бог крочыў із намі, а мы з верай нязвернаю крочылі з Ім!* [9, с. 285]. Духовное бытие является субъективной реальностью, определяющей менталитет человека и народа, возвышает личность над обыденной жизнью и придает нравственный смысл человеческой деятельности. Все эти произведения являются продолжением высокой духовной поэзии, гимна-молитвы *Магутны Божа! Ўладар сусьветаў* [Там же, с. 115], которому отводится «вяршыннае месца ў мастацкім шэрагу малітваў за Бацькаўшчыну» [7, с. 111].

Произведение *Крыж* (1988 г.) в художественно-эстетическом и религиозном планах связано с гимном *Магутны Божа*, в нем создается мощный художественно-эстетический образ Спасения. Автор использует богатую образно-символическую систему, вносит эмоциональный накал и трансформирует личные переживания в масштаб общезначимого: *Магутны Божа», – без слоў прасілі мы ўсе, а, рукі узняўшы ў выш, стаяў нязрушна на ўгорка схіле ён, гэтакі родны ўжо сэрцу Крыж. Тут – дождж імгненна каменне спляміў, рассыпаў кроплі ў траве, ў лісці... няйнакш – і Нехта дзесь там, над намі, наш Крыж вадою святой хрысціў* [10, с. 319].

Жизнь далекой родины остается важной частью национальной идентичности Н. Арсеньевой, включающей мысли и мечты о своем народе, осмысление его культурно-исторической памяти. К небесам обращается лирическая героиня в наивысшие моменты духовного подъема, вознося к ним свои просьбы о безопасности и счастливой доле белорусских людей. Именно Божественной силе она доверяет, полагается на нее, просит оградить людей от бед и ищет заступничества в определении их судьбы: *Зрабі свабоднай, зрабі шчаслівай краіну нашу», – маліўся хор, і ўторыў натаўп, і спелай нівай хіліўся, ветру наперакор...* [Там же, с. 319].

Одной из ужасных трагедий, последствия которой испытала белорусская земля, стала авария на Чернобыльской АЭС. Писательница внутренним взором постигла глубину горя людей, услышала звон Чернобыльского колокола и откликнулась на самую страшную катастрофу XX века, духовно поддержав всех, кто подвергся воздействию радиации, лжи, обмана, предательства. Это событие было воспринято ею как знамение, указывающее каждому человеку на его долг ответственности за собственные действия во имя будущих поколений. Свою боль она отразила в стихотворении *Чарнобыль* (1992), представив собственный вариант краткой, но емкой художественной реконструкции событий дня: *...чорны сцень... найчарнейшы... Чарнобыль – ужо крые, накрыў іхны дзень, што з худой пастушковае жменькі хутка выпадае пужка, што ён, як і безлічы меншых маленькіх, моўчкі прыме пакутлівы скон, што узноў над маёй Беларусыяй прарасце, забуяе бяда...* [Там же, с. 321].

И вновь вера в могущественную Божественную силу и надежда на восстановление жизни возникают в проникновенных словах: *...Ды лепей вазьму памалуся, Да людскага і свой боль дадам. /Божа! Божа! Адзіны ў Сусвеце, што ўсё знае, ўсё можа, зрабі ж, каб за нас не пакутвалі дзеці, не яны каб, а мы неслі крыж!* [Там же, с. 321].

Наконец, категория «свое» в творчестве Н. Арсеньевой связана с идеей раскрытия творческого потенциала человека, создания духовных ценностей, передающихся из поколения в поколение. Автор прославляет действенную силу поэтического слова и его безграничные возможности, адресует наставления будущим мастерам слова и призывает к самореализации, полному проявлению своего художественного таланта (произведения *Поэтам, Імкні, паэт!, Ціхая, Святая, Каб паэты маглі* и др.): *Імкні-ж паэт, разьліся ў гімнах! Дзіўны, святы ці чуеш пал?* [9, с. 225]; *Будуй, твары, ня дай душы астыць!* [Там же, с. 256].

«Чужое» – силы, вызывающие стагнацию, разрушающие вдохновение и полет мыслей, мешающие процессам полной самоактуализации и реализации креативных планов. На чужбине, в эмиграции трудно творить и расширять индивидуальные созидательные возможности человека. Поэтому необходима напряженная работа и максимальная мобилизация всех душевных усилий творческой личности, чтобы преодолеть сопротивление «чужого»: *...ужо не паляцім, каб нават мелі крылы... сканам недзе й мы, Не шугануўшы ў сіль!* [10, с. 245]; *Мне ў залатую высь не ўзняцца, як лісты* [Там же, с. 249].

Поэтическое творчество Н. Арсеньевой 1950–1997 годов отражает собой особую модель вхождения личности эмигранта в американское общество, при которой сохраняется притяжение к своей родной культуре, а образ Родины становится все ярче и объемней. Мировоззренческая оппозиция «свое» – «чужое» является способом познания окружающего мира, выявляет особенности национальной идентификации автора и проявляется на всех уровнях творчества писательницы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матвейчева, Т. В.* «Свой» и «Чужой» как способ самоидентификации культуры / Т. В. Матвейчева // Грамота. – No. 8 (50). – Ч. I. – 2015. – С. 117–119.
2. *Юлдашбаев, А. Ф.* Особенности выражения концепта «свой»–«чужой» в современных англоязычных фильмах / А. Ф. Юлдашбаев // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. – Сер. Гуманит. науки. – Т. 11, No. 18. – 2011. – С. 164–170.
3. *Егизарьянц, А. А.* Определение этнической идентичности мигрантов в контексте психоанализа / А. А. Егизарьянц. – Вестн. № 2 (159). – С. 159–164. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/6889. – Дата доступа : 05.06.2017.
4. *Пранчак, Л.* Беларуская Амерыка. (Размова з Наталляй Арсенневай) / Л. Пранчак – Мінск : Полымя, 1994. – 415 с.
5. *Сачанка, Б.* Пад сузор’ем сярпа і молата : аповесці, апавяданні, запісы розных гадоў / Б. Сачанка. – Мінск : Кнігазбор, 2016. – 548 с.
6. *Харченко, Е. В.* Прагмалінгвістычны аспект міжкультурных камунікацый. Конфлікт «свое»–«чужое» в условиях глобализации / Е. В. Харченко, Л. Шкатова. «Свое» и «чужое»: Межкультурные коммуникации в полипарадигмальном аспекте / ред. Л. А. Шкатовой. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2003. – С. 5–41.

7. *McMillin, A.* Home Thoughts From Abroad: Three Belarusian Poets in Emigration / *A. McMillin* // *Canadian-American Slavic Studies*. – 1999. – V. 33, No. 2–4. – P. 253–263.
8. *Wong, Sau-Ling Cynthia* Immigrant Autobiography: Some Questions of Definition and Approach / *American Biography: Retrospect and Prospect* // ed. Paul John Eakin. – Wisconsin : the Univ. of Wisconsin Press, 1991. – P. 142–155.
9. *Савік, Л.* Пакліканья: Літаратура беларускага замежжа / Л. Савік. – Мінск : Тэхналогія, 2001. – 479 с.
10. *Арсеннева, Н.* Між берагамі / Н. Арсеннева. – Нью-Ёрк : БНІМ, 1979. – 350 с.
11. *Арсеннева, Н.* Выбраныя творы / Н. Арсеннева. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 2002. – 259 с. – (Сер. 1. Мастацкая літаратура).
12. *Mehta, P.* Identity / *P. Mehta* // *The Greenwood Encyclopedia of Multicultural American Literature* / ed. E. S. Nelson. – V. IV. – P. 1043–1047.
13. *Лоренц, К.* Вопросы философии / К. Лоренц. – 1992. – No. 3. – С. 39–52.

М. С. Рагачэўская (Мінск)

СВЯТЛАНА АЛЕКСІЕВІЧ: ПОГЛЯД З ЗАМЕЖЖА

Імя нашай суайчынніцы, Святланы Аляксандраўны Алексіевіч, стала сінонімам свабоды, антываеннага пафасу і новай Беларусі, краіны з мала вядомай у замежжы культурнай і свядомаснай спадчынай. Пад свядомаснай спадчынай мы маем на ўвазе менталітэт, мадэлі светаўспрыняцця і светапоглядныя каштоўнасці.

Нарадзілася С. Алексіевіч у 1948 г. у горадзе Івана-Франкоўску (Украіна), а з 1950 г., пасля пераезду, жыве ў Беларусі. Пісьменніца працавала выхавацелькай Асавецкай школы-інтэрната, настаўніцай гісторыі і нямецкай мовы Белажэвіцкай сямігадовай школы Мазырскага раёна, журналістам у розных раённых і рэспубліканскіх газетах і ў часопісе «Нёман». Яна была ўзнагароджана ордэнам «Знак Пашаны». Літаратурную ж дзейнасць Святлана Аляксандраўна пачала ў 1975 г. і піша на расейскай і беларускай мовах. На гэты момант літаратурная спадчына С. Алексіевіч змяшчае дакументальныя аповесці «У вайны – не жаночы твар» (1985), «Апошнія сведкі» (1985), «Цынкавыя хлопчыкі» (1990), «Зачараваныя смерцю» (беларус. 1993, рус. 1994), «Чарнобыльская малітва» (1997), «Час сэканд-хэнд» (2013).

Пісьменніца атрымала наступныя ўзнагароды: Прэмія Ленінскага камсамола (1986), Прэмія Курта Тухольскага (1996), Прэмія Трыумф (Расія, 1997), Прэмія Гердэра (1999), Прэмія Рэмарк (2001), Нацыянальная прэмія крытыкі (ЗША, 2006), Прэмія Angelus (2010), Узнагарода імя Капусцінскага (Польшча, 2011), Прэмія міру Нямецкага кнігагандлю (2013), яна таксама стала Афіцэрам Ганаровага ордэну мастацтваў і літаратуры Французскай Рэспублікі (2014) і Лаўрэатам Нобелеўскай прэміі па літаратуры (2015).